

Атдаев С.Дж.

ТҮРКМӨНДӨРДҮН СУУ РЕСУРСТАРЫН КОРГОО ЖАНА САКТОО САЛТТАРЫ

Атдаев С.Дж.

ТРАДИЦИИ ОХРАНЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ У ТУРКМЕН

S.Dzh. Atdaev

THE TRADITION OF PROTECTING AND SAVING WATER RESOURCES TURKMEN

УДК: 39 (575.4)

Суровый и засушливый климат Туркменистана породил главную и вечную проблему – нехватку воды. Вода становится главным достоянием и богатством человека. Образ живительной влаги прочно запечатлелся в духовной и материальной культуре социума. Самые ранние сведения, связанные с почитанием воды, можно обнаружить на поселениях первых земледельцев неолитической эпохи.

Отношение к воде в туркменском обществе выражалось рядом соответствующих положений. Уважительное отношение к воде со временем сформировало его своеобразный культ, который, в свою очередь, стал обрастать рядом запретов и табу. Установленное обществом вето было обязательным для всех без исключения. Ослушание его влекло за собой неминуемое наказание. Почитание воды и связанные с ней запреты прочно вошли в этикет населения, и со временем образовали целую традицию в системе местных религиозных воззрений.

Приведенные здесь сведения позволяют нам более глубоко взглянуть и осознать значимость этого природного дара. Желая как-то найти объяснение происходящим вокруг явлениям, человек обращался с мольбами к божественным силам, принося им в дар всевозможные подношения и жертвоприношения. Реальный мир преображался в воображении людей в своеобразный космос, давая толчок зарождению различных поверий, суеверий и т.д., которые в свою очередь, оформились в целостную систему определенных традиций, верований и представлений, регулировавшую социальное поведение человека.

The severe and droughty climate of Turkmenistan has generated the main and eternal problem - shortage of water. Water becomes the main property and riches of the people. The image of reviver was strongly embodied in spiritual and material culture of society. The earliest data connected with reverence of water, it is possible to find out on settlements of the first farmers neolith epoch.

The attitude to water in a Turkmen society was expressed by row of the of corresponding positions. The valid attitude to water in due course has generated its original cult which, in turn, began to acquire by row of the of interdictions and taboo. Installed society of the veto was obligatory for all without exception. Its disobedience entailed inevitable punishment. Reverence of water and the interdictions connected by it were included into etiquette of the population, and in due course have formed the whole tradition in system of local religious views.

The data resulted here allow us to look and realize the importance of this natural gift more deeply. Wishing somehow to find an explanation to the phenomena happening around, the people addressed with pleas to divine forces, presenting them every possible sacrifices. The real world changed in imagination of people in original space, giving a push to origin various popular belief, superstitions, etc. which in turn, were

issued in complete system of the certain traditions, beliefs and the representations, regulated social behaviour of the person.

Бережное отношение туркмен к окружающей природе выражалось в почитании ими ее основных элементов: воды, земли, растительного и животного мира, ветра, молнии, дождя и т.д. Одним из этих объектов являлась стихия воды. Суровый и засушливый климат Туркменистана породил главную и вечную проблему - нехватку воды. Подгорная полоса орошалась немногочисленными источниками и ручьями. Более сложным выглядело положение в пустынных районах. Источники влаги - глубокие колодцы и сезонные искусственные водоемы встречались очень редко на огромном пустынном пространстве. Более стабильную жизнь давало проживание в плодородной зоне вдоль крупных рек. Однако площадь этих зон была весьма ограничена и незначительна.

Увеличение численности населения и расширение пахотных угодий, требовало все большего и большего количества поливной воды. Практика рытья отводных каналов и подземных кризов, возведение плотин и создание широкой ирригационной сети – есть суть вынужденной деятельности человека, обусловленной жизненной необходимостью. Таким образом, для получения столь необходимой для каждодневных нужд воды, человек должен был затрачивать неимоверное количество усилий и неустанно трудиться. Вода становится главным достоянием и богатством человека. Образ живительной влаги прочно запечатлелся в духовной и материальной культуре социума.

История земледелия Туркменистана насчитывает около семи тысяч лет. Наличие рек, горных источников, умелое использование весенних селевых потоков и паводков, создало необходимые условия для успешного развития земледелия. Своевременное использование пахотной земли и правильное орошение регулярно приносили хороший урожай. Эти условия способствовали появлению в Южном Туркменистане в эпоху позднего неолита оседлого земледельческого населения. Развитие на территории Туркменистана богарного и орошаемого земледелия со временем привело к строительству специальных водных артерий и совершенствованию способов полива.

Самые ранние сведения, связанные с почитанием воды, можно обнаружить на поселениях первых земледельцев. Ярким примером может послужить расположенный в подгорной приколлет-

дагской полосе неолитический памятник Джейтун. Обнаруженные на этом поселении керамические сосуды изобилуют росписями, в орнаментах которых преобладают водные мотивы: волнистые линии струящихся ручейков и точечные знаки падающего снега или дождя [8, с. 95].

Изображение струящихся животворных ручьев можно наблюдать на стенной росписи Йылгынлы-депе, этого чудесного памятника ранне земледельческой культуры Туркменистана. Роспись святилища выполнена в уникальной и редкой для энеолита форме исполнения [33]. Подобная тематика с процарапанными линиями прослеживается и на посуде периода бронзы, найденная в ходе последних исследований на поселении Ак-депе близ Ашхабада [14, с. 124].

Интересными представляются материалы, обнаруженные в ходе археологической экспедиции на памятнике поздней бронзы – Гонуре, центра Древнего Маргуша. Этот регион по праву считается местом зарождения зороастризма. Приверженцы этого учения «совершали регулярные жертвоприношения огню и воде – двум элементам, которые играли жизненно важную роль в их каждодневной жизни» [9, с. 153]. Фактическое подтверждение этому высказыванию было обнаружено в древнем русле Мургаба, где располагается искусственно созданный глиняный островок. В его центре обнаружен двухкамерный ритуальный очаг. Вокруг очага был устроен специальный желоб, по которому бежала вода. Здесь мы видим единство двух противоположностей – пылающего огня и струящейся воды. На поселении был открыт также Храм воды [31, с. 89]. На одном из найденных здесь многочисленных сосудов имеется изображение мужчины с топором – символом грома в древней мифологии. Можно предположить, что это изображение хранит в себе образ самого Бога-Громовержца [32, с. 302]. Интересно, что в мифологии карачаевцев и балкарцев богиня Ажам также изображается с топором на поясе [20, с. 18].

Культу воды был посвящен и средневековый храм округлой формы в Хазарек-депе. Река Амударья занимала важное место в жизни местных обитателей. Для предотвращения затопления полей от частых паводков реки были протянуты отводные каналы, по которым вода стекала в искусственные водохранилища. По мнению специалистов, храм в Хазарек-депе мог служить местом, откуда проводилось наблюдение за колебаниями уровня воды в реке и возможным изменением ее русла. Храм мог предназначаться для принесения жертвоприношений и проведения сельскохозяйственных праздников [12, с. 13].

Отношение к воде в туркменском обществе выражалось рядом соответствующих положений. Первым из них было явное почитание этой стихии. Вода как символ жизни и возрождения находил яркое выражение в народном фольклоре. Это можно видеть в многочисленных поэмах, песнях, дестанах, танцах и музыкальных композициях. Подобное уважительное отношение к воде со временем сформировало его

своеобразный культ, который, в свою очередь, стал обрастать рядом запретов и табу. Установленное обществом вето было обязательным для всех без исключения. Ослушание его влекло за собой неминуемое наказание [4, с. 18]. Почитание воды и связанные с ней запреты прочно вошли в этикет населения, и со временем образовали целую традицию в системе местных религиозных воззрений.

Согласно древнему обычаю туркмен, запрещалось бросать в воду комья земли, сидеть на краю его так, чтобы в воду осыпалась земля, сливать грязную воду после стирки белья, плевать в воду, в колодец, бросать туда нечистоты и т.п. Туркмены всегда предупреждали детей и подростков, чтобы они бережно относились к воде и водным источникам. В Мервском оазисе, в частности, когда дети бросают в арык комья или сыпят в него землю так, что вода в арыке пузырится, их останавливают обычно словами: «Вода считает твои ресницы». По поверью мервских туркмен, пузырьки, которые появляются на поверхности воды при погружении в нее комьев земли, якобы означают потерю ресниц у того, кто совершил данный проступок. Сколько пузырьков появиться, столько ресниц потеряешь. Такое предостережение пугало не только детей и подростков, но и взрослых людей. В этом смысле данный запрет и связанное с ним предостережение имеет воспитательное значение, направленное на сохранение чистоты воды в арыках и самих арыков от засорения грязью и мусором [29, с. 7].

Обращение к стихиям природы нашло свое отражение и в материальной культуре туркмен. Исследование назначения деревянных и матерчатых кукол у туркмен, привело к выводу, что игрушки являлись не только забавой детворы, но и служили определенным ритуальным задачам. По мнению ряда ученых, соответствующая группа кукол изготавливалась специально для проведения обряда вызывания дождя [11, с. 96]. В ритуальных танцах предков туркмен и песнях сюйт-газан сохранилось обращение к Всевышнему, чтобы он ниспослал дождь. Шаманы с помощью магических обрядов и слов воздействовали на сверхъестественные силы и вызывали дождь.

Одной из главных задач общественной магии являлось управление погодой. Она должна была обеспечивать достаточное количество осадков. Колдун в своих сеансах использовал принципы гомеопатической (имитативной) магии. Если он хотел вызвать дождь, то подражал ему разбрызгиванием воды или имитацией облаков; если же он ставил целью прекратить дождь и вызвать засуху, то, напротив, обходил воду стороной и прибежал к услугам огня для того, чтобы выпарить слишком обильные выделения влаги [35, с. 48].

Поклонение природным стихиям привело со временем к образованию целостной системы верований и мировоззрения. Повелителем дождя у туркмен являлся святой Буркут-баба. В засушливые годы туркмены обращались к нему за помощью в надежде вымолить живительную влагу. По преданиям

туркмен, этот святой пар живет на небе и от него зависит, пойдет ли дождь. Считалось, что Буркут-баба занимается непосредственным распределением облаков. Если последние не проявляют расторопности, то он начинает бить их кнутом, след от которого образует молнию, а их крики и стоны – гром. Параллельно существовал и другой популярный культ – бабки Мамака – покровительницы дождевых туч. Ударяя по огромному кожаному мешку «санач», она буквально вытряхивает оттуда дождь. Перед дождем взрослые пугали детей, говоря: «Спрячьтесь скорее дома, иначе Мамака заберет вас в свой мешок и унесет на небо» [19, с.14]. По мнению ряда исследователей, культ Мамаки может быть отождествлен с древнетюркским божеством Умай [19, с.42], а также с культом зороастрийской Анахиты, – покровительницы ветра, облаков, дождя и града [15, с. 37]. Подобную интерпретацию пережил и популярный у туркмен образ святой Парату-биби, покровительствующей деторождению и охране беременных женщин. Предполагается, что изначально основа этого образа была связана с культом воды и источников [15, с. 50].

Представления об ангелах, гонящих тучи и производящих гром ударом плети, содержатся в мифологиях и некоторых других тюркоязычных народов (например, ангелы Маккай и Макул у казахов). Следы представлений о существе женского пола, производящем гром и молнию, сохранились у узбеков (Момо-Кульдурок, Момо-Гулдурак) и туркмен (Гарры-мама). Образ Буркут-баба известен также узбекам, казахам и таджикам (Дивана-и Бурх, Дивана-и Борх, Шайны-Бурхы-диуана), но у них этот святой не обладает функциями «хозяина» дождя» [7, с.28].

Буркут-баба явно принадлежит доисламской мифологии. Многочисленные народные предания и легенды большей частью посвящены именно этому герою. В них чувствуются отголоски воззрений глубокой древности, связанных с тотемическими и шаманистскими представлениями людей той эпохи. Популярность фигуры Буркут-баба обуславливалась, по всей видимости, его изначальной многогранностью и многофункциональностью, благодаря которым он мог претендовать на роль главного божества. В многочисленных туркменских легендах, записанных в свое время В.Н.Басиловым, описываются частые попытки Буркут-баба противопоставить себя власти Всемогущего Аллаха. В последующих версиях сказаний Буркут-баба выглядит более смиренным и предстает явным сторонником деяний Всевышнего. Однако, по мнению В.Н.Басилова, сам образ Буркут-баба, как строптивного и своенравного божества, имеет более глубокие корни. Возможно, в более ранних мифах Буркут-баба так же мог вступать в конфликт с богом неба Танры [7, с. 37]. Это предположение может иметь вполне определенную силу. О повелении небесными осадками со стороны Тенгри нам могут поведать сообщения средневекового автора X в. Мовсеса Каланкатуаци. В его

работе «История страны алуанк» говорится о почитании гуннами Кавказа двух богов – Куара (божества «молний и эфирных масел») и Тенгри-хана, «чудовищного, громадного героя». Со временем эти два образа слились, и единое божество стало именоваться не иначе как «Тенгри-хан громовержец» [21, с. 162].

Обычай просить дождь у Буркут-баба сохранился в некоторых местах Туркменистана вплоть до наших дней. Выглядело это приблизительно так: на возвышенности вбивали кол и привязывали к нему козла, оставляя последнего без питья на длительный срок. Страдающее под палящими лучами солнца животное своими криками должно было разжалобить Буркута и побудить его дать дождь. Если в ближайшее время выпадали осадки, животное приносили в жертву и устраивали коллективную трапезу в честь Буркут-баба “Burgudyň ýoluna” [6, с. 43]. Попытка объяснения того, почему на заклинание приводили козленка, а не барана, выглядела так: «Когда его режут, козленок кричит, и святой лучше слышит. А баран не кричит» [7, с. 32].

До сравнительно недавнего времени сохранялась категория особых людей – вызывателей дождя, которым, как полагали, удавалось передавать небесным силам просьбы людей о дожде. Примером может служить живший в последней трети XIX – первой четверти XX в. широко известный в североатрексских степях Егенджан-хаджи. Молитвы он совершал, укрывшись халатом, используя в своих священнодействиях посох “hasa”. Популярность Егенджана-хаджи была столь велика, что и после его ухода из жизни люди приходили к его могиле, обращаясь с просьбой вызвать дождь [17, с. 19].

Описания различных действий, связанных с вызыванием дождя, довольно часто встречаются в трудах средневековых авторов. У Яхйа ибн Мухаммеда имеется интересный рассказ, записанный им со слов его современника Тифаши. Согласно этому повествованию, в войске султана Мухаммеда Хорезмшаха (1200-1220 гг.) имелся некий тюрк, который каждую весну практиковал обряд вызывания дождя. Выглядело это так: он брал глубокую посудину с водой, опускал туда две камышовые тростинки, а к третьей тростинке привязывал змею и подвешивал ее на высоте двух аршин. Затем погружал в воду два дождевых камня и через некоторое время начинал тереть их друг о друга. Процесс этот повторялся семь раз. В ходе этого действия он вдруг начинал громко повторять заклинания и метаться из стороны в сторону. Акт длился около двух часов, а затем на небе появлялись первые облака [37].

Еще одно подобное предание также связано с Хорезмом. По туркменской легенде, когда к Ургенчу (Кунаургенчу) подошли войска монголов, местные жители обратились за поддержкой к влиятельному духовному лидеру Неджмеддину Кубра. Последний, в свою очередь, призвал к себе на помощь силы природы. Взойдя на ворота города, он с помощью

магических заклинаний вызвал густой туман. У врага, дезориентированного происходящим, появились панические настроения, и он спешно отступил. Однако правитель города решил развить успех и приказал вывести свои войска за крепостные ворота. Но как только были открыты ворота, туман рассеялся, и панорама города вновь открылась взору врага. Монголы предприняли вторую атаку, оказавшуюся успешной, и подвергли город полному разрушению [5, с. 132].

В средневековых источниках и нарративных документах имеется множество сведений относительно так называемых «дождевых камней» - «джада (яда) ташы». При помощи этих камней специальные колдуны «джады» или «ядачы», умели вызывать небесные осадки. В многочисленных преданиях и сказаниях непременно фигурируют различные животные, обычно это олени или птицы, наблюдения за которыми и позволили людям обрести этот дар.

Интересный материал относительно местного обряда вызывания дождя представлен в армянских источниках. В упомянутом выше историческом труде «История страны алуанк» описывается христианская миссия албанского епископа в страну гуннов Прикаспия в 682 г. Осуждая гуннов за их языческие заблуждения, епископ в своей проповеди восклицал: «Вы также почитаете богом и называете спасителем молнию небесную, которая сверкает во время грома» [25, с.126]. Гуннские жрецы присваивали себе способности вызывать при помощи священных дубов дожди в период засухи, а также прекращать их: «Во время засухи палящей и в знойные жаркие дни мы силою вызывали дожди, которые охлаждали сильный зной, поили растения и саженцы, наполняли плоды на съедение вам и в наслаждение. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и умирляли громогласное возмущение и сверканье молний с облаков» [25, с. 128]. Поклонение священным деревьям осуществлялось посредством жертвоприношений: кровью жертвенной лошади окропляли священное дерево, а голову и шкуру животного вешали на ветви.

Поклонение священным рощам и обращение к ним в надежде вымолить осадки имело широкое распространение в мировоззрении древних тюрков [16, с. 15]. Ритуал вызова дождя посредством обращения к священным деревьям сохранился по сей день и бытует в традициях многих народов. К примеру, сельские жители турецкой области Тунджели приписывают священным рощам из можжевельника способность предупреждения засухи. Чтобы вызвать дождь, они приходят к священной роще, совершают молитвы и приносят жертвоприношения. Местом паломничества являлись и священные дубы, которым приписывают чудесные свойства вызывания бури, а также спасения жизни человека во время неё. Повелевает бурями и местная гора Багыр-баба. По местному поверью, вызвать дождь могут и смелые односельчане, отважившиеся несколько раз переплыть местные реки Евфрат или Мурад-су и

трижды обратившиеся к водяному святому [3, с. 108].

Существовали и другие обряды. Самого злого и вспльчивого человека обливали водой или же толкали его в воду. По другой версии, в воду опускали череп какого-нибудь животного или листок с именем сорока плешивых людей. В обоих случаях преследовалась одна единственная цель – вызвать гнев Буркут-баба, который накажет людей сильным дождем за подобное осквернение воды. По такому же сценарию строилось и другое действо, когда у сварливой женщины украдкой похищали закваску для теста и бросали его в воду. Соседи договаривались в течение некоторого времени не одалживать ей новой закваски и тем самым, как считалось, вызывали ярость и раздражение у повелителя осадков [17, с. 18].

Практиковались и принципиально иные, по своему функциональному назначению, обряды. Происходило веселое обливание друг друга водой и погружение в воду богатых людей, или же распорядителей воды – мирабов. Дети ходили по домам и распевали стихи. Хозяевам следовало окатить их водой и угостить чем-нибудь съестным. Затем собранное угощение складывалось на крышу какого-либо дома и употреблялось в пищу сразу после того, как упадут первые капли дождя. Обряд этот назывался «гютатын». Иногда со всего селения по горстке собирали муку и выставляли ее в миске на крыше дома. Если вслед за этим выпадал дождь, из этой муки пекли лепешки и совершали благодарственную трапезу. Смысл другого обряда – «семене» заключался в том, что проросшую пшеницу толкли в чашке, затем ее сок выливали в проточную воду, дабы вызвать дождь, а из оставшихся выжимок, добавив немного муки, пекли лепешки [17, с. 19].

Подобные действия находят аналогии с сообщениями Бируни, в которых говорится, что жители Амуля выходили к Хазарскому морю и целый день проводили в играх и развлечениях в воде и на берегу [10, с. 231]. Имеются еще более ранние сообщения Ибн ал-Факиха о подобных обрядах вызывания дождя у огузов [34, с. 153].

Единобожия покровителя морей и рек у туркмен не существовало. На этот титул может претендовать морской владыка Деря-эеси, почитание которого прикаспийскими туркменами было безгранично [18, с. 122]. В одних вариантах - это божество мужского рода, в других – женского. Обращаясь к хозяину моря, рыболовы просили хорошего улова и удачного возвращения домой. Подобное приветствие предшествовало также строительству и спусканию судна в море. На Амударье роль повелителя вод играл собирательный образ *кыркчильтенов* [2, с. 338]. Эти божественные существа действовали невидимо среди людей и всячески помогали им. Существовала вера и в *эренов*, которые по приказу бога могли подрыть кетменями берег реки. Обрушение берега и преграждение течения реки, с последующим ее

разливом, объяснялось как наказание со стороны Всевышнего за человеческие прегрешения.

Проживающие по берегам рек Мургаба и Амударьи туркмены, сохранили рассказы о существовании водных духов [23, с. 85]. Более часто упоминалась сув периси. Она выступала в образе коварной женщины, обманом и лестью заманивающая путников в воду. Её супругом представлялся *сув адам* (водяной). Это было громадное существо, имеющее густые волосы на голове и чистое, без всякой растительности тело. Он считался безвредным духом воды, помогал людям, выбрасывая на берег драгоценности. Другой представительницей водной стихии являлась кара гырнак (черная рабыня), покрытая густой темной шерстью. По описанию она больше походит на зловещую албасты, хотя ее больше именуют как *сув кызы* (водяная дева, то есть русалка).

Лодочники и рыболовы почитали своих пиров. Ими были: Сеид-ата, Хезрети-нов и Пальван-ата. Последние двое, согласно легенде, первыми изобрели лодки (гайык) на Амударье. На среднем течении Амударьи расположена скала, на которой сохранились остатки окаменевшей лодки и весел Хезрети-нов [18, с. 122].

Пиром водоподъемного сооружения - чигиря являлся Наладж-баба. В легендах о нем сохранилась весьма архаическая черта – упоминание о его сотрудничестве с шайтаном, который, якобы, подсказал ему, что чигирные горшки надо привязать к колесу прутьями тала [6, с. 42].

Особым уважением пользовались мастера по строительству мостов, колодцев и кяризов. Путник, проходящий через мост, или же испивший воды и напоивший свою скотину, непременно благодарил мастера этого сооружения. Старая туркменская пословица гласит: «Лучше построить один мост, чем тысячу мечетей, лучше выкопать один колодец, чем соорудить тысячу мостов». Аналогичную мысль высказывал известный туркменский поэт XVIII в. Довлетмаммед Азади. В его поэтическом произведении «Wagzy-azat» («Наставления Азади») есть такие строки:

Кто построил мост

Того народ день и ночь благодарит

А кто соорудил колодец или водный бассейн

Того вознаградит Всевышний [1, с. 71].

Скотоводческое население песков Каракумы использовало с глубокой древности как грунтовые, так и поверхностные дождевые воды для питья и водопоя скота, строя колодцы (гуйы), искусственные водоемы (ховуз, как, гуйма) и сардобы – специальные крытые водоемы.

Нехватка воды заставляла людей идти на различные ухищрения. Использование углублений на такырах позволяли собирать атмосферные осадки. Эти водоемы служили большим подспорьем в хозяйстве скотоводов и земледельцев. Особым изобретением человечества можно назвать возведение искусственных крытых водоемов – сардоб,

предназначенных для собирания и хранения поверхностных вод на такырах. Строительство сардоб, а также снегоохранилищ получило широкое применение в средние века [27, с. 76].

Колодцы, по качеству содержащейся в них воды, делились на питьевые и предназначенные для водопоя скотины, с горько-соленой водой. Колодцы были с внутренней обкладкой - *орумлы гуйы* и без нее - *удек гуйы*. Колодцы, обеспечивающие население пресной водой, содержались в идеальной чистоте. Для внутренней обкладки колодцев использовали камень, жженный кирпич или дерево. При креплении стенок колодца деревом, использовали особые сорта и породы: песчаная акация *sözen*, кандым *jüzgün*, фисташковое дерево, тутовник, арча [28, с.31], дабы не повлиять на вкусовые качества воды. Саксаул для крепления колодцев не использовался, так как его употребление делало воду горькой. По некоторым сведениям, в редких случаях применялся черный саксаул [26, с. 76].

Разновидностью крепленых колодцев являются колодцы *ак гуйы*. Строились они непосредственно в песках, где отсутствуют пресные грунтовые воды и такыры. Колодцы эти питаются за счет конденсации водяных паров в песках и инфильтрационных процессов, а в приамударьинской полосе за счет грунтового потока, идущего от Амударьи. Вода в них была всегда пресной, пригодной для питья и водопоя скота [13, с. 76].

Дефицит питьевой воды заставлял скотоводов потреблять и грунтовые воды. Колодцы – *голаджи*, питаемые солеными грунтовыми водами, предназначались для водопоя животных. Сооружались они в межрядовых понижениях песков.

Для водопоя животных использовали также наливные колодцы - *чырла гуйы*. Расположены они были на такырах, отчего, иногда назывались «такырлы гуйы». Дождевая или снеговая вода, собиравшаяся на такырах, направлялась к колодцам по специально вырытым канавкам *ок*, вода которых затопляла котловину *ой*, где располагались колодцы. Вода поступала в колодец и через его боковые стенки, просачиваясь через мягкий слой грунта. Учитывая это обстоятельство, скотоводы не допускали загрязнения территории вокруг колодца [22, с. 206]. Образующий на поверхности соленой воды колодца слой пресной воды за счет стока дождевых вод с такыров, туркмены называли *гырлым* [13, с. 76].

По принципу просачивания воды через грунт действовали и колодцы «дамла гуйы». Сооружались они на твердом каменистом грунте, где вода стекала со стенок по каплям. Колодцы эти, в большинстве случаев, имели пресную воду, пригодную для питья и водопоя скота в течение всего года. Для сцеживания вод на дно колодца укладывали плетеный обруч *човлик*, изготовленный из селины и веток кандыма [28, с.33].

Другим важным изобретением человечества являются кяризы – это система колодцев, прорытых

под равниной и соединенных между собой с помощью галерей - *совлей*. Некоторое сходство с кяризом имеет другая искусственная водная система, известная под названием *лагым* [30, с. 106]. У туркмен существовал культ Шахызенны – покровителя колодезного дела, в честь которого устраивались жертвоприношения. После снятия верхнего грунта земли специалисты по рытью колодцев созывали людей на садака в честь Шахызенны, дабы рытье не сопровождалось несчастьями. Начиная от поиска благоприятного места для колодца и до самого окончания работ, мастер молил Шахызенну послать ему удачу. По другим данным, покровителя кяризов называли мастер Тахир или Тахир-люле [36].

Вода, жизненно необходимая для существования в пустынных условиях, нашла свое яркое отображение в духовной культуре туркменского народа. Подтверждение тому – множество туркменских пословиц и поговорок, бытующих и по сей день:

Капля воды – крупица золота.

Там, где нет воды, нет жизни.

Бедняк чем беден, он беден дровами и водой.

Вода – отец (т.е. основа урожая)

Смысл всех этих и иных аналогичных пословиц и поговорок заключается в том, что вода воспринимается жителями пустынной зоны как великое богатство и божественная благодать. В творчестве великого классика туркменской поэзии Махтумкули имеются сокровенные строки, обращенные к Всевышнему:

Лишь к такому как Ты все могущему просьба моя,

Окажи милость, дождь ниспошли, о мой Султан!

Беден, печален, стенанья к Тебе возношу,

Окажи милость, дождь ниспошли, о мой Султан!

[24, с. 209-210].

Приведенные здесь сведения позволяют нам более глубоко взглянуть и осознать значимость этого природного дара. Желая как-то найти объяснение происходящим вокруг явлениям, человек обращался с мольбами к божественным силам, принося им в дар всевозможные подношения и жертвоприношения. Реальный мир преобразался в воображении людей в своеобразный космос, давая толчок зарождению различных поверий, суеверий и т.д. которые в свою очередь, оформились в целостную систему определенных традиций, верований и представлений, регулировавшую социальное поведение человека.

Литература:

1. Азади. Довлетмамед. Вагзы-азат. Ашхабад, 1962. 71 с.
2. Андреев М.С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях // В.В.Бартольд.- Ташкент, 1927. С. 334-343.
3. Асатрян Г.С. Некоторые вопросы традиционного мировоззрения заза // Традиционные мировоззрения у народов Передней Азии.- М., 1992.- С. 104-124.
4. Атдаев С. Экология и традиции туркмен // Возрождение.- Ашхабад, 2006. №4.- С. 18-19.
5. Атдаев С. Пиры-покровители в туркменской народной традиции // Восток-запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань, 2007. Вып.8.- С. 314-318.
6. Байрамсахатов Н. Неджмеддин Кубра // Ашхабад, 1995.- №6.- С. 130-134.
7. Басилов В.Н. О туркменском пире дождя Буркут-баба // Советская этнография. 1963.- №3.- С. 42-52.
8. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970, 144 с.
9. Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, 102 с.
10. Бойс М. Зороастийцы: Верования и обычаи. М., 1988. 304 с.
11. Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т.1. 486 с.
12. Ботяков Ю.М., Ботякова О.А. Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998.- С. 94-102.
13. Бурханов А.А. Орошаемое земледелие и скотоводство в среднеамударьинском регионе (древность и средневековье) // Человек и природа: история и современность: Социоестественная история. Выпуск XXIV. Симферополь, 2004.- С. 10-14.
14. Гельдыханов М. О формах и способах добычи воды в пустыне Каракумы // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973.- С.72-84.
15. Гундогдыев О., Ходжаниязов Т. Полевой отчет о проведении археологических работ на Акдепе в Чандыбильском этапе города Ашхабада // Мирас. Ашхабад, 2007. – №3.- С.122-131.
16. Гундогдыев О.А. Богиня – мать земли туркменской. Ашхабад, 1998. 106 с.
17. Давлетшин Г. Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрок // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.- С. 10-24.
18. Демидов С.М. Обряды и обычаи туркмен, связанные с земледелием и скотоводством (конец XIX – первая четверть XX в.) // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1987.- С. 4-30.
19. Демидов С.М. О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен // Труды Института Истории, Археологии и Этнографии. Серия этнографическая. АН ТССР. Т.VII. Ашхабад, 1963.- С. 119-134.
20. Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад, 1983. 120 с.
21. Джуртубаев М. Духовная культура карачаево-балкарского народа. М., Ас-Алан, 1. 1998 г. 28 с.
22. Кляшторный С.Г. Султанов Г.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. Спб., 2000. 284 с.
23. Макеев П.С. Колодцы в Северо-Восточных Каракумах // Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР. 1930. Вып.20. Л.,- С. 202-212.
24. Массон М.Е. Отголоски языческих представлений о человекоподобных существах, обитаемых в Мургабе // Известия АН ТССР. СОН. Ашхабад, 1978.- №5.- С.85-86.
25. Махтумкули. Избранные стихи. Ашхабад, 1976. 258 с.
26. Мовсес Каланкатуаци. История страны алуанк / Пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван. 1984. 114 с.
27. Нечаева Н.Т. Мордвинов Н.А., Мосолов И.А. Пастбища Каракумов и их использование. Ашхабад, 1943. 163 с.
28. Нургельдыев Я. Гидротехнические сооружения средневековых городов Южного Туркменистана и традиции водопользования у туркмен в IX-XV вв. // Мирас. 2006.- №4.- С. 75-80.
29. Оразов А. О типологии источников водопоя в Центральных и Юго-Восточных Каракумах // Очерк

- этнографии населения Южного Туркменистана (XIX-нач. XX в.). Ашхабад, 1979.- С. 20-36.
30. Оразов А. Народные традиции охраны природы у туркмен // Верования, обряды и обычаи туркмен. Ашхабад, 1992.- С. 5-16.
31. Пенджиев М. Древние оросительные сооружения Туркменистана (историко-лингвистический аспект) // Мирас. 2005.– №2. - С. 104-112.
32. Сарияниди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас. Ашгабат, 2004.– №3.- С. 86-94.
33. Сарияниди В.И. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.
34. Соловьева Н.Ф. Йылгынлы-депе: сотрудничество продолжается // Нейтральный Туркменистан. 30 мая 2008.
35. Факих. Ибн аль-Факих Китаб ахбар аль-булдан (Книга рассказов о странах) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., 1939. Т.1.- С. 144-166.
36. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1980. 831 с.
37. Agalyýew D. Käriziň piri kim bolupdyr // Türkmen dünýasy. 2011. 25 awgust (на туркменском языке).
38. Ýahýa ibn Muhammet. Ýagmug daşy // Türkmen dünýasy. 2007. №19. oktýabr (на туркменском языке).

Рецензент: к.филос.н. Аблазов К.
